

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

луымен және Романовтар әулетінің Ресей мемлекетінде билікке келуімен аяқталған өзінің соңғы ұлттық-азаттық кезеңіне өтті.

Мемлекет тағдырындағы бетбұрыс кезеңдеріндегі басшылардың рөлі қаншалықты зор екенін тарих айқын көрсетеді. Олардың есімдері халықтың құрмет жадында ұлы хандардың есімдерінен кем түспейтіні кездейсоқ емес. Ұлы адамдардың өмірі тарих үшін үлкен қызығушылық пен құндылыққа ие. Мұның бәрі біздің тарихи жадымыздың, халық мәдениетінің ажырамас бөлігі, егер біз оны түзетсек ешқашан жойылмайды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Н.В. Назарбаев «потоке истории» / А., 1999
2. Г.Ф. Миллер «История Сибири» /М.; Л., 1937
3. В.В. Вельяминов-Зернов «Исследование о Касимовских царях и царевичах», 1863-1864
4. М.В. Ломоносов «Древняя Российская истори», 1766
5. А.Н. Радищев «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» / М., 1987
6. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (МИКХ). – Алма-Ата, 1969
7. М.Х. Дулати «Тарих-и Рашиди» / А., 1993
8. Қ.Жалайыр «Шежірелержинағы» / А., 1997
9. Ч.Ч. Валиханов «Собрание сочинения» / А., 1985
10. С.В. Бахрушин «Вопросы русской колонизации Сибири в XVI-XVII вв» / М., 1995
11. З.Я. Бояршинова «Население Западной Сибири до начала русской колонизации» / Томск, 1960
12. Ә.Марғұлан «Күміс сандықтың құпиясы», 1981
13. История Казахстана, 1997
14. Я.Г. Солодкин «К биографии Ораз-Мухаммеда», 1994
15. Сборник «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках», 1961
16. Г.Ф. Миллер «История Сибири» / М.; Л., 1937
17. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. 1890
18. Российский государственный архив древних актов. 1595
19. Н.М. Карамзин «Полное собрание сочинений»
20. М.Абдиров «Хан Кучум: известный и неизвестный» / А., 1996

УДК: 94 (574)

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пленчев Д.Д., 1 курс, история, Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова

Бекмагамбетова М.Ж., профессор кафедры истории Казахстана, к.и.н., доцент, педагогический институт

В статье представлен историографический аспект истории повседневности, период от возникновения нового течения науке в Европе к появлению ее в России. Главное внимание обращается на исследования школы «Анналов», новые взгляды германо-итальянской школы, исследования российских, советских и казахстанских ученых микроистории.

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

Перед современной исторической наукой Казахстана стоит важнейшая задача: реконструкция истории казахского народа с новых теоретико-методических установок с учетом опыта мировой историографии. Социально-культурные изменения, связанные с развитием общества, научные тенденции, которые должны отражать эти социальные изменения, порождают потребность в формировании нового научного поля, где предметом исследования становится повседневность. История повседневности в Казахстане является еще молодым жанром национальной историографии. Хотя имеются исследования, посвященные повседневности городов советской эпохи. История повседневности – это одно из направлений развития исторической науки, которое сформировалось во второй половине XX века в процессе становления так называемой «новой истории». В рамках данного направления ведется изучение условий жизни, труда и отдыха, а также факторов, влияющих на формирование сознания и норм поведения, социально-политические предпочтения подавляющего большинства населения той или иной страны в определенный исторический период.

Впервые к истории повседневности исследователи обратились в древние века. Данное направление активно начало развиваться после появления понятия «история повседневности» [1, С. 27].

Впервые термин «повседневность» был использован З.Фрейдом в 1904 в книге «Психопатология повседневной жизни». В данной работе, он характеризует повседневность бессознательной детерминацией психических актов, и склоняется к тому, что она не справляется в обширном виде случаев с властью бессознательного и закономерно порождает заблуждение. Более того, порождения заблуждений оказывается атрибутом повседневности [2].

Ф.Бродель ввел это понятие в широкий научный оборот. При этом отмечая, что само название далеко не идеальное обозначение сути повседневной истории.

А.Людтке считает, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения» [3, С. 77].

В конце 60-х гг. XX века в рамках историко-антропологического поворота в мировом гуманитарном знании происходит возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого [4, С. 3]. Впервые антропологический подход был использован в изучении прошлого французскими историками М.Блоком и Л.Февром, которые рассматривали реконструкцию повседневности как элемент воссоздания истории в ее целостности. Их сторонники группировались в 1950-е гг. вокруг журнала «Анналы». Продолжатели традиции первых двух поколений школы «Анналов» ставят в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Исследователи данного направления пытаются проникнуть в сознание людей, их внутреннюю, духовную жизнь. Связи с этим история как наука приобретает новое измерение, которое условно можно назвать «историей изнутри» [5, С. 75-89].

Немецкий исследователь А.Людтке отмечал, что история повседневности особое внимание сосредотачивает на анализе поступков тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми», на «детальном историческом описании их душевных переживаний и воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее» [3, С. 77].

По мнению российского ученого А.Я. Гуревича, историк в состоянии завязать диалог с людьми иной культуры и эпохи, пытаясь проникнуть в строй их мыслей и чувств, в тайны их сознания [6, С. 26].

Одним из важных направлений в истории повседневности является микроисторическое направление. Появление микроистории как отдельного направления относится к концу 70-х гг. XX столетия. Данный подход получил распространение в германской и итальянской исто-

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

риографии. У истоков микроистории стояли такие историки как К. Гинзбург, Э. Гренди, К. Пони и др. Исследователи «призывали молодое поколение переориентировать научные труды и обратить все силы на изучение микроисторий отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов, а также проблем культуры как способа понимания и обобщения повседневной жизни и поведения в ней» [4, С. 7].

В книге Н.Элиаса «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования» изложена его оригинальная концепция цивилизации, основанная на данных истории, антропологии, психологии и социологии. В книге введены понятия «социогенез» и «психогенез», а также представлена теория, согласно которой манеры и нормы поведения людей напрямую связаны с социальными и политическими изменениями. Концепции Н. Элиаса до сих пор считаются актуальными, а сам он причисляется к классикам культурологии и социальной истории. Так же Н.Элиас приводит определение «истории повседневности». Он отмечал, что нет точного, четкого определения повседневности, но он пытался дать определенное понятие через противопоставление неповседневности. Для этого он составлял списки некоторых способов применения этого понятия, которые встречаются в научной литературе [7].

Исследователи П.Бергер и Т.Лукман в книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» рассматривают повседневную жизнь как реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Они отмечают, что реальность повседневной жизни организуется вокруг в настоящее время, и оно является фокусом внимания авторов к реальности повседневной жизни. Исследователи обращаются к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. Изучают, какое влияние оказывают на эту реальность повседневной жизни теоретические построения интеллектуалов и прочих распространителей идей.

Х.Абельс в работе «Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию» рассматривает ключевую категорию анализа повседневности А.Шюца – «жизненный мир». Повседневный жизненный мир, по А.Шюцу, является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Жизненный мир изначально воспринимается как мир, общий с другими людьми. «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, т.к. любое положение дел, которое до поры до времени является для нас проблематичным». В книге автор представил основные понятия теоретической основы интерпретативной социологии, исторические этапы развития в творчестве Дж. Мида, Г.Блумера, А.Шюца, П.Бергера и Т.Лукмана, Г.Гарфинкеля и, что особенно привлекает внимание, в ней дается целостный анализ творчества представителя социально-драматургического подхода в социологии И.Гофмана [8].

Новое направление изучения прошлого родилось как история снизу, которая в свою очередь дала голос «маленькому человеку», сделав интересным для потомков его поведение и жизненные ориентиры. В 1980 г. – 1990-е г. развитие германо-итальянской школы микроисториков выходит на новый уровень. Появляются новые исследователи данного направления. Ее дополнили американские ученые, сторонники новой культурной истории, также некоторые представители третьего поколения школы «Анналов» (Ж.Ле Гофф, Р.Шартье). С этим влиятельным направлением мировой исторической науки российская историческая наука познакомилась только в середине 1990-х гг. Были переведены программные статьи крупных теоретиков и практиков: К.Гинзбурга, Д.Леви, Э.Гренди, Х.Медика, Ж.Ревеля. Большая заслуга в популяризации микроанализа в исторических исследованиях принадлежит

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

Ю.Л. Бессмертному, который в течение ряда лет руководил семинаром по истории частной жизни в Институте всеобщей истории РАН. С 1997 г. он и его коллеги стали выпускать альманах «Казус: индивидуальное и уникальное в истории».

Известный российский социолог, специалист в области социологии культуры, Л.Г. Ионин приводит и анализирует выделенные А.Шюцем конституирующие элементы повседневности, которые рассматриваются как особая форма реальности. Среди них он выделяет: трудовую деятельность, специфическую уверенность в существовании мира, напряженное отношение к жизни, особое переживание времени, специфику личностной определенности действующего индивида. Автор отмечает, что черты новой культурной эпохи проявляются не только в науке и философии, но и в повседневной жизни. Показывает специфику современной повседневности именно как повседневности эпохи модерна [9].

Что касается советского времени, то интерес к повседневности советских историков был крайне слаб и проходил при неуклонном выполнении идеологических установок. В основном данное направление проявлялся в исследованиях, которые главным образом были посвящены проблемам истории рабочего класса. Но специфика методологии и партийный диктат приводили к тому, что официальная история рабочего класса приходила в противоречие с реалиями настоящего. Стержнем истории советского рабочего класса считалось его неуклонное поступательное движение к социализму и коммунизму [10, С. 49].

Основное внимание исследователей было направлено на рассмотрение источников пополнения рабочего класса, на количественные и качественные изменения в его рядах (повышение образовательного уровня и профессиональной подготовки, культурный и духовный рост, улучшение уровня жизни). Исследовательскую базу источников составляли документы высших партийных и государственных органов власти, статистические источники. Важно отметить, что в каждом исследовании давался достаточно подробный историографический обзор. Наряду с этим, выходили специальные работы, посвященные непосредственно историографии рабочего класса. Кроме монографических исследований, было опубликовано большое количество специальных статей, освещавших проблемы образования, технического творчества и охраны труда рабочих.

Наиболее полный историографический обзор проблемы был дан в монографии Е.Э. Бейлиной. Одной из крупных работ данного периода является монография Б.А. Грушина. Данная монография имела свою особенность, она отличалась тем, что выводы автора строились на основе опроса 500 лучших коллективов коммунистического труда, проведенного в августе-ноябре 1961 г. Автором были сделаны важные выводы о характере движения за коммунистический труд и особенностях массового сознания того времени. Данным вопросом занимались и региональные исследователи, уделявшие основное внимание роли партии в развитии соцсоревнования. Крушение официальной истории рабочего класса произошло в период перестройки и гласности. Исследователи начали отмечать низкую производительность труда, безразличие к производственным обязанностям, безынициативность, отклонения в трудовой этике, растущее пьянство в рабочей среде. Прежняя история рабочего класса стала считаться реликтом советского прошлого. Какие-либо разработки в той области из престижных превратились в крайне непопулярные [11].

В современной отечественной историографии также имеются работы, посвященные истории повседневности. В работах казахстанских демографов М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, В.В. Козиной рассматривается демографическое развитие региона в послевоенные годы. Вопросы питания, продовольственного снабжения, уровня и качества жизни городского населения Центрального Казахстана частично были затронуты в трудах Ж.Б. Абылхожина,

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

З.Г. Сактагановой, посвящённых социально-экономическому развитию Казахстана в изучаемый период [12, С. 160].

Одним из видных казахстанских ученых, занимавшийся изучением истории повседневности, является Сулейменов Т.А. В своей статье «Структуры повседневности кочевой цивилизации» он проводит разбор значения повседневности в ракурсе кочевой цивилизации. Опираясь на исследования французской исторической школы «Аналлы», он представляет структуру повседневности кочевой цивилизации в виде пирамиды. Первое – пространство кочевья, как часть физического пространства, жизненный ареал кочевого социума, ограниченный естественными и экологическими границами. Естественными рубежами пространства кочевья выступают горные хребты, моря, леса, реки, которые выступали как преграды для передвижения скота. Экологические границы пространства кочевья определялись параметрами жизнедеятельности скота. Следующей структурой повседневности кочевой цивилизации были животные. Выступая как самое главное богатство кочевника, скот служил не только пищей, но и удовлетворял самые разнообразные потребности людей: предоставлял сырье для изготовления одежды и предметов домашнего обихода, был средством обмена при различных обстоятельствах. Венчает структуру повседневности кочевой цивилизации вещный мир, включающий переносное жилище, одежду, предметы домашнего обихода, конское снаряжение, орудия труда, оружие, детские игрушки, различного рода инструменты, в том числе и музыкальные [13, С. 47].

По данному направлению в 2007 году в журнале «Вестник КарГУ» вышла статья З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой под названием «История повседневности» в современной российской историографии». В работе исследователей отражен анализ основных вопросов историографии проблемы «история повседневности» в современной российской исторической науке, который указывает на то, что в 1990-е годы отдельные аспекты проблемы «история повседневности» изучались в рамках «микроистории». С 2002 года открылся Научный Совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» под председательством академика Ю.А. Полякова. Авторы пишут о распространении интереса к изучению советской повседневности, о росте интереса среди исследователей от «центральных» областей России к «периферийным». Но несмотря на имеющуюся литературу, до сих пор отсутствует четкое определение «истории повседневности» [14, С.228].

Подводя итог выше сказанного, хотелось отметить, что именно историки повседневности сделали изучение ежедневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий с представителями администрации темой «новой рабочей истории» и новой истории труда, ставших впоследствии самостоятельными «историями».

Предметом исследования историков стали не ключевые исторические события или великие идеи, а повседневная жизнь простых людей, изменения в их жизни и изменения в них самих вместе со временем. Речь идет о «маленьких людях», безымянных участниках исторических событий, не всегда творящих историю, но испытывающих ее на себе. Таким образом, в мировой науке существуют два понимания истории повседневности: как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории, и как реализация приемов микроисторического анализа.

Список использованных источников

1. История через повседневность: новый ракурс преподавания истории XX века 17/11/2009 / электронный ресурс: <http://www.urokiistorii.ru/learning/method/2009/11/istoriya-cherez-povsednevnos>

**ҚҰЗЫРЕТТІЛІК БІЛІМ: МОДЕЛЬДЕР,
ӘДІСТЕР, ТЕХНОЛОГИЯЛАР
КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
МОДЕЛИ, МЕТОДЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

2. З.Фрейд «Психопатология повседневной жизни», 1997
3. А.Людтке «Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии» / М., 1999
4. Н.Л. Пушкарева «Предмет и методы изучения истории повседневности», 2004
5. А.Я. Гуревич «Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы» / М., 1989
6. А.Я. Гуревич «О кризисе современной исторической науки», 1991
7. Х.Абельс «Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию», 2000
8. Ю.Шлюмб, М.Кром, Т.Зоколл «Микроистория: большие вопросы в малом масштабе», 2003
9. Л.Г. Ионин «Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп» / М., 2004
10. Н.Н. Разуваева «Старые концепции и новые подходы: рабочий класс СССР в исторической литературе» / 1988
11. М.А. Фельдман «Рабочие России в начале ХХІв.: на пороге социального государства» / электронный ресурс: <http://ural-yeltsin.ru/usefiles/destiny/Feldman.doc>
12. Жилищные условия в городах Центрального Казахстана в 1945-1953
13. Т.А. Сулейменов «Структуры повседневности кочевой цивилизации», 2007

УДК 82

КУРТУАЗНЫЙ ОБРАЗ АТТИЛЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»

Жумартова У.О., 3 курс, иностранная филология, Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова

Мустафина К.Е., старший преподаватель, Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова

Аттила оставил огромный след в истории и культуре западноевропейских стран. Данная статья отражает анализ исторического и фольклорного образа Аттилы, детально описывая весьма интересную интерпретацию исторического Аттилы в германском рыцарском эпосе «Песнь о Нибелунгах». Актуальность данной статьи заключается в анализе образа Аттилы в исторических и западноевропейских эпических произведениях.

Аттила фигурирует, а также является одним из главных героев скандинавских саг и в германском эпосе. В западных эпических сказаниях отражены реальные исторические события и личности, такие как Великое переселение народов и гунны. «В эддических песнях, в частности «Сага о Вельсунгах», «Сага о Тидреке», Аттила предстает чаще негативным персонажем». В отличие от скандинавских саг Аттила в германских эпических сказаниях, особенно в «Песни о Нибелунгах» является положительным героем [1].

В этом произведении он показан как богатый, могущественный, добрый, гостеприимный правитель, что свойственно куртуазному герою, но в то же время, Этцель пассивен и не заинтересован в происходящем, отодвинут на второй план. «По мнению исследователей, подобная идеализация Этцеля как великодушного милостивого монарха отражает определенные исторические реалии прошлого, когда остготы занимали подчиненное положение по отношению к гуннам» [1]. Если проанализировать мотив эпоса «Песнь о Нибелунгах», то можно заметить, что в произведении прослеживаются мифы. Например, дракон, шапка-невидимка и другие волшебные предметы, а также отголоски языческих верований. «Образ Атти-